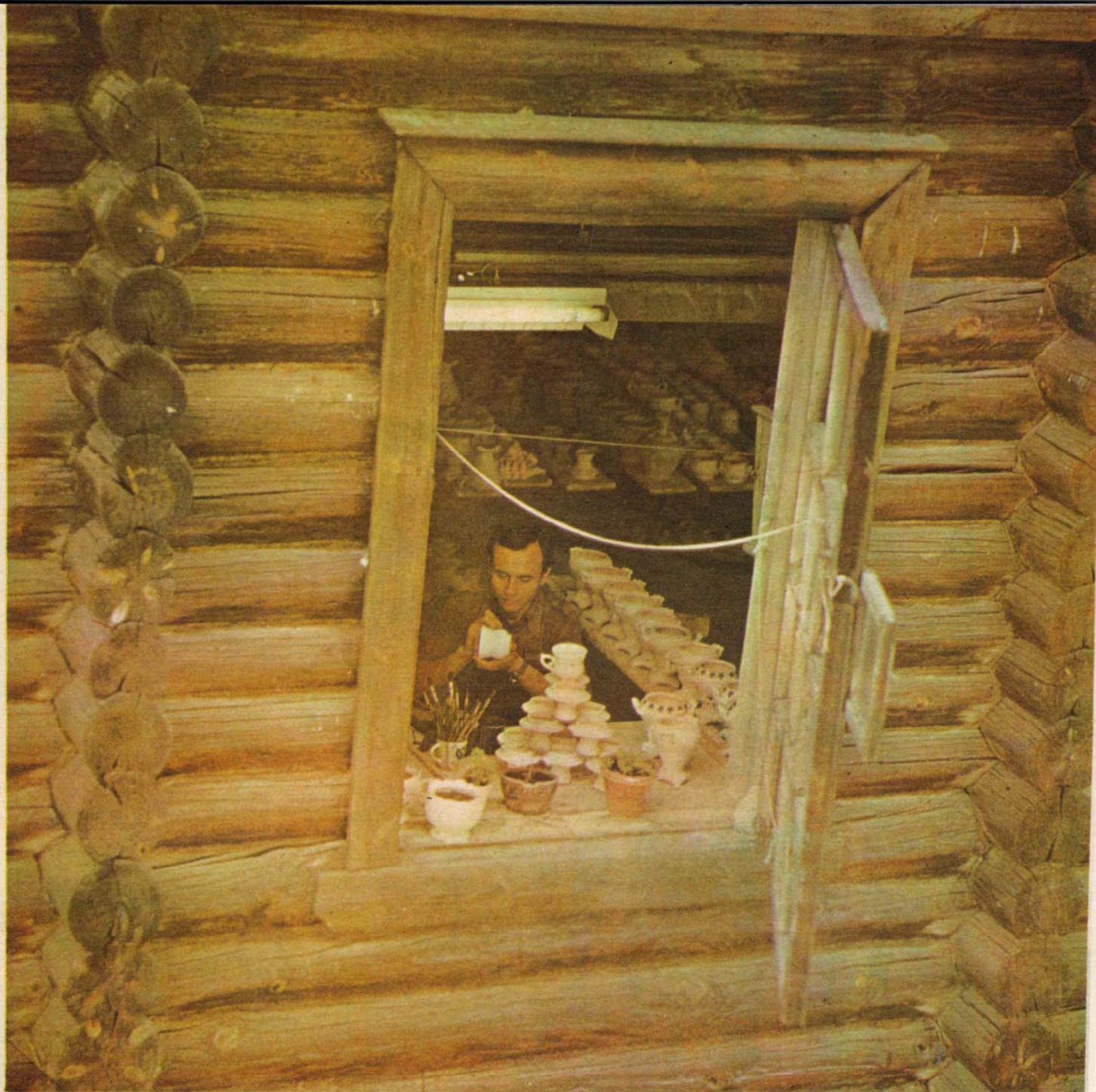

10'81

ТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

Народный театр
Ижевского
механического института
победитель фестиваля
СТЭМов

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Если ты художник...

Белая чашка с синим цветком. Налей молока, поднеси к губам. Красивая вещь! Линии вьющиеся, веселые, словно стружки сосновые завиты, а вместе сошлись — и явился характер нежный, как цвет, и твердый, как осколок фарфора.

В двенадцать лет, а может и раньше, Валу Розанова «потянуло» к глине. Делал игрушки под Хохлому, под Дымку, свистульки, фигурки животных, маски. Лепил, а потом обжигал на костре или в печке. Дома были книги. Отец, военный, увлекался живописью, музыкой. К седьмому классу все определилось. Выбрали Абрамцевское художественно-промышленное училище, куда Валентин поступил с первой попытки, хотя конкурс был немаленький.

Отделение керамики в Абрамцеве перевели из Гжели.

Все русские места. Глина в Гжели всегда была под ногами. Купается облако в голубой протоке. Синие листья кружатся на белом фаянсовом глянце. Природа, человек и его дело отражают друг друга. Люди чувствуют это и передают в народном искусстве. Оно рождается, как цветы и дети. Растет, как ребенок в семье. В труде обретает характер. Он один для протоки, людей и фарфора. А семью называют — промысел.

Они исконные: металл, кость, фаянс, дерево. Этому и учили в Абрамцеве. Любовь к глине у Валентина была «изначальная», хотя графикой занимался и маслом писал. Попробовать нужно!

— Без этого нельзя. Потом все потихоньку отошло... — так он сам говорит. — И осталась одна Гжель.

Ее слава началась в XVIII веке с гончарного промысла красной глины. Расписывали посуду «лощенным» предметом, острым камешком например, и получался узор: блестящая процарапка по матовому фону. Называлась такая керамика «чернолощенная Гжель».

● Готовая продукция.

Галантный «французский» двор Екатерины II не брезговал кушать с русских тарелок. В то время мастера украшали фарфор, как требовала мода, фигурками животных и сюжетами «из жизни».

В XIX веке голубые цветы и травы стали рисовать на белом. Так хорошо это было, что полюбили многим. С тех пор и начался узорный синий кобальт Гжели. В орнаментах все больше квадратики, треугольники, елочки. Кистью писали легко, раскованно, словно играя. Мазки сочные: один, два, три, четыре, пять — вот и ромашка готова...

Годы учебы беззаботны и быстры. Диплом. Распределение. Валентин Розанов выбрал Гжель. Была у него еще в Абрамцеве какая-то тяга к ней.

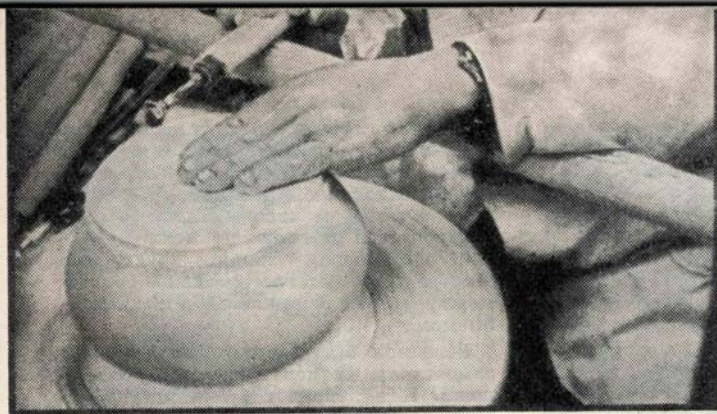
— Меня, окончившего училище, — рассказывает Валентин, — в Гжели посадили на рабочее место. Я делал рядовую продукцию. Не слишком разнообразная она на потоке. Операция — роспись. Берешь изделие и выполняешь рисунок от начала до конца. Есть план и дневная норма. На этой работе провел целых пять лет...

Есть в промысле живое народное русло. Это не толь-

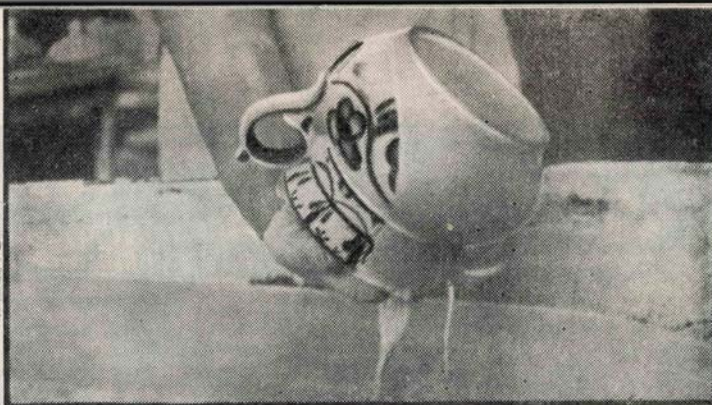
ко художественная традиция в материале, орнаменте, форме, не только ряд навыков, передаваемых поколениями мастеров буквально из рук в руки; нет, это еще и традиция взаимопонимания, бытия, традиция жизни трудового коллектива; такая, когда дело влияет на характер человека, а характер на дело, и складывается вокруг него особая людская общность. И будь ты хоть семи пядей во лбу, не примут тебя люди, не признают своим, если ты не вольешься, как ручеек, в живое течение народного искусства не только как знаток и умелец, но и как человек.

— Когда польза от тебя видна на работе, то люди уважают за то, что ты можешь, не за какие-то таланты, а за конкретную работу, ту, что умеешь руками делать.

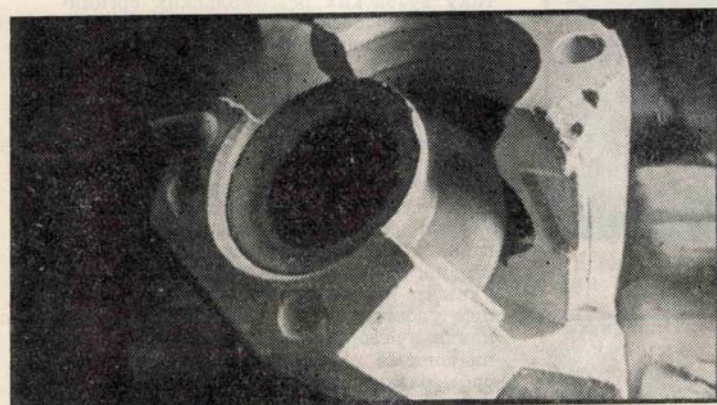
Работая исполнителем, Валентин Розанов хорошо усвоил эти простые истины. Но не сразу он понял особую роль художника на промысле. Изучая историю Гжели, Валентин открыл для себя многое. Было время, когда промысел пришел в упадок. Живые навыки труда и искусства, выработанные столетиями, исчезли на глазах одного поколения. Мастерские работали, а художественной продукции не было. Едва не потерялась Гжель на огромных на-

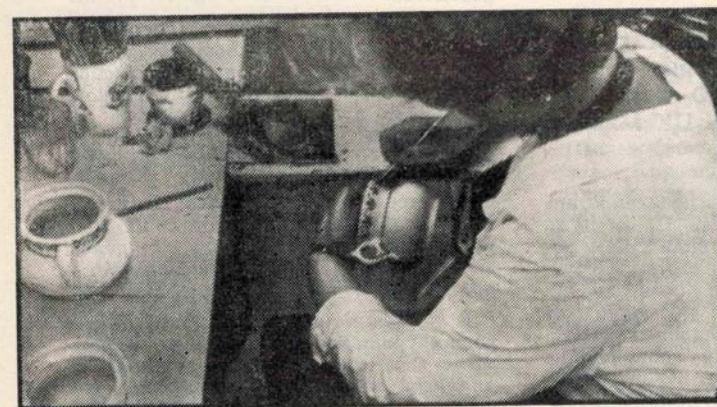
● Изготовление формы на гончарном круге.

● Процесс глазурования.

● Формование.

● В цехе живописной ручной росписи.

ших просторах как самобытный уголок русской земли, как яркая краска на палитре ее многоцветной красоты.

Пришли на помощь искусствоведы, художники. Первыми среди многих, кто возрождал Гжель, были Наталья Ивановна Бессарабова и Александр Борисович Салтыков. Подчас только научная догадка, безукоризненный художественный вкус, интуиция делали возможным восстановление того или иного утраченного звена в гжельском ремесле. Проникновение в самую суть этого народного явления, слияние с ним, жизнь, мышление не вне, а внутри этого сложного художественного организма позволили Салтыкову, Бессарабовой и их ученикам возродить промысел.

Годы, проведенные в Гжели на рабочем месте рядового художника, только сблизили Валентина Розанова с людьми. Это было время «проникновения» в промысел, «очищение» его. Но не то, что происходит за столетия при выработке традиции, когда время и труд отбирают в деле его ядро, удаляя все лишнее, и не то, что дал научный поиск Бессарабовой и Салтыкова, а свое, личное «очищение» ре-

меслом, когда весь, и тот же самый, вековой путь промысла художник проделывает внутри себя, постигая суть дела, которому был призван.

Вот на что ушли пять лет жизни Валентина Розанова. И это, пожалуй, не много, а мало. Может быть, раньше художник только чувствовал это, а теперь знал наверняка: традиция не сковывает в творчестве, а, наоборот, открывает ему простор и глубину.

Один цвет, один материал — и полная свобода... Парадоксальность этого сопоставления мнимая. Одна из черт творчества — стремление к центру, ядру, к идее, а не наоборот. Отсутствие такого движения и дает ту раздвоенность, когда руки делают дело, а еще что-то «творец» держит для себя, про запас, как говорят, «для души». Пожалуй, лучше, если все «для души».

Было трудно. Ежедневная производственная норма плохо совмещалась с творческой работой. Случалось, руки опускались. Лечило народное искусство. Исследование традиции открывало новые возможности и оживляло интерес.

— Я был един в двух лицах, — рассказывает он, — и автор, и исполнитель, что в Гжели почти никогда не практиковалось. Обычно художники давали образцы, а в производстве их исполняли. Я должен был сделать и то и другое. Поставил себе такую задачу.

В этих словах упорство, ясность цели и гордость рабочего человека. Нарисовать эскиз, выточить гипсовую модель, залить шликер в форму, вытолнить роспись и вынуть готовую вещь еще теплой из печи своими руками — вот лейтмотив этого волшебного действия.

К концу второго года в Гжели появился кумган — первая авторская работа Валентина Розанова. Художественный совет одобрил ее и рекомендовал для выставки. За первой вещью последовали и другие.

Валентина включили в творческую группу художников Гжели. Его произведения стали демонстрироваться на выставках. Многие вещи пошли в производство.

В 1980 году за серию работ, выполненных на гжельском промысле, Валентину Розанову была присуждена премия Ленинского комсомола.

Наступил другой этап работы и творчества. Он начался с новых задач и большой ответственности. Валентин стал старшим художником промысла, одним из тех немногих людей, кто определяет лицо сегодняшней Гжели.

Завтрашний день предприятия — это его молодежь. И есть здесь свои проблемы.

— Училища готовят людей для промыслов, — говорит Валентин Розанов, — не всегда хорошо представляя, чем они конкретно будут заниматься. Приходит художник на производство, а тут свои законы, о которых он и не догадывался. А хорошо бы ему заранее о них знать. Из-за этого люди часто уходят с предприятий. К тому же не всем удобно ездить из города на работу. Некоторым не нравятся условия на производстве. Хотя сейчас промыслы быстро расширяются, идет и жилищное строительство. Есть другие вопросы. Пока еще не хватает художников-исполнителей высокой квалификации. Но в Гжели есть мастера-наставники. Они учат молодых...

Что пожелать тем, кто приходит на промысел? Наверное, нужно всегда помнить о перспективе, о своей мечте. Добиваться поставленной цели. Не разбрасываться по сторонам. На любом месте, где бы человек ни оказался, он может многого добиться. Нужно «установиться» и работать.

Валентину Розанову 26 лет. Он молод, но он уже проложил свой путь в народное искусство.

Виталий КОСТИН